

ЯН

1873. ЯНВАРЯ 14.

№ II.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВОСПОМИНАНІЕ О САМАРКАНДѢ.

Страна, обнимающая всѣ плодородныя земли, лежащая по теченію рѣкъ и рѣчекъ, берущихъ свое начало въ отрогахъ Тянь-Шаня, и частью вливающихся въ Аральское море, издавна носить имя Зарафшана и нынѣ составляетъ одну изъ тѣхъ далекихъ окраинъ Россіи, которыми такъ заняты умы иностранцевъ, съ недовѣрчивостью слѣдящихъ за успѣхами нашими въ средней Азійи, и которыя такъ еще мало извѣстны самимъ русскимъ.

Центральнымъ пунктомъ этой страны издавна считается древнѣйшій среднеазійскій городъ Самаркандъ, сдѣлавшійся достояніемъ Россіи съ 1868 года. Будучи основанъ въ V вѣкѣ до Р. X. однимъ изъ арабскихъ шейховъ, завоевательныя стремленія котораго привели въ роскошную долину Зарафшана. Самаркандъ, со дня своего основанія, сталъ городомъ центральнымъ въ средне-азійскихъ владѣніяхъ и средоточіемъ ученой и торговой дѣятельности, тѣмъ не менѣе письменной исторіи онъ не имѣетъ и всѣ свѣдѣнія о немъ теряются въ легендарныхъ сказаніяхъ племенъ, населяющихъ его и по настоящее время. Несомнѣнно лишь то, что сначала

греки, а потомъ арабы и монголы попеременно владѣли имъ и странюю къ нему прилежащую, внося въ нее свои нравы, обычаи и ученость, и оставляя на всемъ неизгладимые слѣды. Такъ напримѣръ, завоеваніе края греками, проникнувшими въ Бактрію и Согдіану, во время походовъ Александра Великаго, дало возможность греческой цивилизаціи далеко распространиться по Средней Азійи и доселѣ въ могильныхъ курганахъ Бухары находятъ древнія греко-бактрійскія монеты, медали и остатки оружія. Арабы, явившись завоевателями, внесли новую религію и образованность; монголы распространили вѣрованія Магомета до крайнихъ предѣловъ Востока и Запада и усвоили странѣ тотъ отпечатокъ, который господствуетъ и доселѣ въ средне-азійскихъ ханствахъ. Тимуръ-Ленкъ, грозный предводитель монгольскихъ полчищъ, занявъ Самаркандъ, задумалъ сдѣлать его столицею обширнаго своего царства и первымъ городомъ въ мірѣ, и Самаркандъ въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ былъ поприщемъ обширной ученой и торговой дѣятельности, чему не оспоримымъ доказательствомъ служатъ тѣ величественныя развалины мечетей,

медресе и другихъ построекъ, поражающихъ путешественника.

Подъѣзжая къ городу со стороны Чупанъ-ата, скалистыхъ высотъ, господствующихъ надъ мѣстностью; орашаемою рѣкою Зарафшаномъ, открывается роскошный видъ на окрестности. На право тянутся цѣпи Шункаръ-Тау, отроги Тянь-Шаня, на лѣво послѣдніе отрасли горнаго узла Камакъ-Гаранъ, съ которыхъ свертается множество ручейковъ и рѣчекъ, незначительныхъ по величинѣ, но имѣющихъ важное значеніе въ развитіи земледѣлія. Рѣка Зарафшанъ, пробѣгая близъ Самарканда, встрѣтивъ скалистую преграду на пути своемъ, дѣлится на два рукава *Акъ-дарью* и *Кара-Дарью*. Эти два протока обнимаютъ собою роскошнѣйшую долину въ мѣрѣ, окружностію въ нѣсколько десятковъ верстъ, и буквально утопающую въ садахъ, сквозь листву которыхъ тамъ и сямъ проглядываютъ *кишлаки* (хутора). Тутъ среди яркой зелени полей, засѣянныхъ пшеницей, рисомъ и хлопкомъ, льются воды Заравшана по безчисленнымъ рукавамъ, отдѣляя въ стороны оросительныя арыги, обсаженныя тутовникомъ, сочныя листья котораго прокармливаютъ мѣстную породу шелковичнаго червя, получившаго въ послѣднее время такую громкую извѣстность по всей Европѣ. Отъ Чупанъ-ата до Самарканда, разстояніе около семи верстъ, но городъ и всѣ окрестности его видны, какъ на ладони, чему способствуетъ та прозрачность воздуха, которая свойственна этому мѣсту. Столица Тимура, мало измѣнившаяся и по сіе время въ наружныхъ своихъ очертаніяхъ, имѣетъ форму правильнаго четырехугольника, обнесеннаго кругомъ зубчатыми стѣнами. На западной сторонѣ возвышается цитатель, обширнѣйшая изъ всѣхъ средне-азиатскихъ цитаделей. Она имѣетъ въ окружности около 3 верстъ и включаетъ въ себѣ мусульманское кладбище, нѣсколько мечетей и другихъ построекъ, нынѣ примѣненныхъ къ помѣщенію нашего гарнизона. Остальной и лучше сказать самый городъ правильной распланировки не имѣетъ: улицы узки, извилисты, дома по большей части въ одинъ этажъ съ плоскими кровлями; внутри нѣкоторыхъ изъ дворовъ устроены крытыя галереи, защищающіе обитателей отъ лѣтней жары. Сады на каждомъ шагу, и издали городъ буквально залитъ зеленью: абрикосовыя, персиковыя, грушевыя, тузовыя и яблочныя деревья образуютъ сплошную массу, сквозь которую вырываются въ воздухъ граціозныя тополи, куполы старинныхъ мечетей съ ихъ полуразрушенными монорами (минаретами) и громадныя портики медресе и воротъ. Медресе и караванъ-сераи по большей части въ два этажа, изъ которыхъ въ верхнемъ живутъ ученики, а въ нижнемъ слушаютъ лекціи. Всѣ они почти устроены внутри дворовъ мечетей, у входа въ которыя возвышаются высокія ворота съ минаретами по бокамъ. Эти зданія составляютъ безпорно лучшее украшеніе

Самарканда и служатъ доказательствомъ искусства строителей. Широко изогнутые купола, строящіеся на громадныхъ аркахъ, при постройкѣ которыхъ выполнены всѣ условія строительнаго искусства, поражаютъ cadaго европейца, невольно вглядывающагося въ тѣ письма, которыя выются на наружныхъ и внутреннихъ карнизахъ куполовъ и арокъ, по изразцу, которымъ одѣты они по большей части.

Жаль только, что большинство этихъ построекъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи: ворота и минареты попадали, своды обвалились и разрушеніе, начатое временемъ, дѣятельно поддерживается людьми, потомками строителей. Изъ замѣчательныхъ мечетей и медресе мы можемъ указать на *Хаджи-Оураръ*, *Гуремиръ*, *Биби-Ханымъ* и еще нѣкоторыя, но первое мѣсто по справедливости, занимаетъ послѣдняя. Биби-Ханымъ построена, по преданіямъ, женою Тимура, китайскою принцессою Ханымъ. Самый храмъ занимаетъ обширное пространство и состоитъ изъ трехъ отдѣленій, соединенныхъ особою постройкою, въ которой расположены классы самаго большаго медресе. Говорятъ, что въ былое время входныя ворота были отлиты цѣликомъ изъ бронзы, но теперь отъ нихъ слѣдовъ не осталось и сохранилась лишь въ цѣлости западная часть храма, на стѣнахъ которой и доселѣ видна мозаика по изразцу, сработанная весьма искусно и опытною рукою. Лазурь и золото до того свѣжи, что хочется вѣрить въ недавнюю реставрацію постройки, а между тѣмъ на нихъ никто не обращаетъ вниманія и время губитъ послѣднія остатки прошлаго. Недалеко отъ этой мечети указываютъ на гробницу любимой жены Тимура, но отъ нея, если рассказы справедливы, остались одѣ лишь развалины, неимѣющія даже какой либо формы. На восточной сторонѣ города высится небольшой мавзолей, увѣнчанный красивымъ куполомъ и окруженный стѣнами съ высокими воротами, по сторонамъ которыхъ возвышаются также купола. Внутри, зданіе осмиугольной формы состоитъ изъ двухъ комнатъ, полы которыхъ устланы мраморомъ, а стѣны покрыты голубыми и золотыми арабесками. Это гробъ Тимура ни болѣе ни менѣе и сомнѣваться въ этомъ невозможно. Самая гробница, расположенная во второй комнатѣ за прозрачной рѣшеткой, имѣетъ форму усѣченной пирамиды въ три фута вышины и шесть футъ длины. Сдѣлана она изъ яшмы и увѣнчана шестью знаменами. Кругомъ расположены гробницы членовъ семейства Тимура изъ бѣлаго мрамора и гробница любимаго его учителя Мирза-Санде-Берке. У гробницъ лежатъ разныя священныя книги, по которымъ постоянно читаютъ муллы.

Разсказываютъ, что въ Самаркандѣ находилась прежде знаменитая бібліотека, вмѣщавшая въ себѣ большое количество древнихъ армянскихъ книгъ. Нынѣ этой бібліотеки нѣтъ и слѣдовъ и куда исчезли всѣ ея богатства указать никто не можетъ. Подобно биб-

ліотека́ исчезло безслѣдно, славившееся въ свое время, высшее училище Калиндеръ-Ханы и обсерваторія *Мирза-Улундъ*, въ которой производились не астрономическія, а астрологическія наблюденія, играющія столь важную роль въ общественной жизни на Востока́ и по сіе время.

Главное населеніе Самарканда, какъ и прочихъ городовъ Туркестанскаго края, составляютъ *сарты*, считающіеся аборигенами страны. Преданіе говоритъ, что сарты происходятъ отъ джугуистовъ, или евреевъ и персовъ и каждому довольно одного разу взглянуть на сарта, чтобы убѣдиться, что въ жилахъ ихъ течетъ еврейская кровь; страшное влеченіе къ деньгамъ, мелочность интересовъ, боязливость, манеры, — все напоминаетъ въ нихъ евреевъ. Сартъ любитъ споръ и всегда постарается найти къ нему какой нибудь предлогъ, въ то же время онъ не упуститъ случая извлечь гдѣ нужно свои выгоды. Жизнь ведутъ лѣнливую, беспечную, днемъ просиживаютъ на базарѣ, а придетъ вечеръ, складываются по нѣскольку копеекъ, заказываютъ шилавъ, покупаютъ изюму, фисташекъ, орѣховъ и принимаются за взаимное угощеніе. Если общество велико, то приглашаютъ въ свою компанію и *батчу*.

Батча — хорошенькій мальчикъ, лѣтъ десяти, одѣтъ онъ въ женское платье и услаждаетъ публику пляской, отъ которой, одурманенные хапишемъ, или опиумомъ, приходятъ въ неистовый восторгъ. Тѣмъ не менѣе онъ составляетъ необходимое условіе въ жизни сарта. За батчей ухаживаетъ и старый и малый, и сѣдой казы не прочь подать батчѣ руку и приласкать его.

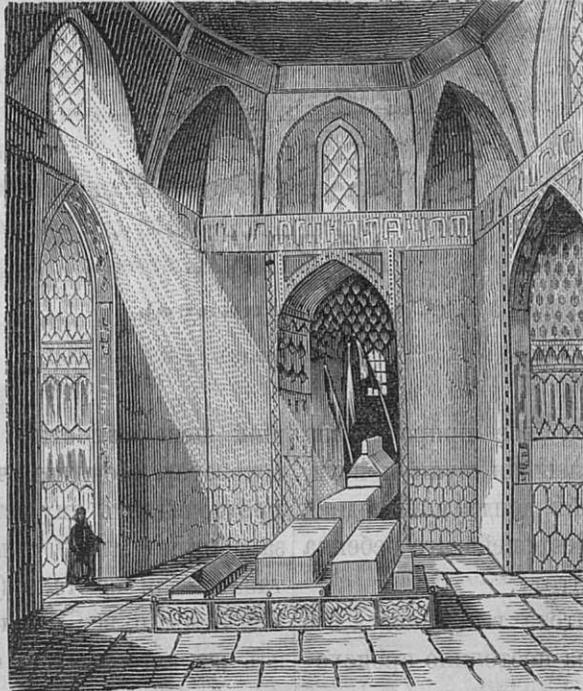
Женщины не пользуются никакимъ уваженіемъ и цѣнятся не болѣе, какъ домашняя утварь; затворничество сартянокъ, исключющее ихъ изъ общества, естественно исключаетъ тѣ игры и пляски, которыя такъ обяательно дѣйствуютъ на самыхъ грубыхъ мужчинъ; понятно, что при такихъ условіяхъ нужно было ввести въ общество хотя подобіе женщины. И вотъ явился

батча, всегда замѣчательной красоты, живой, подвижный, умѣющій вызвать громъ рукоплесканій. Начнется ли пляска, батча выйдетъ на арену, сдѣлаетъ бату (привѣтствіе), примется мѣрно и плавно выдѣлывать па подь тактъ музыки.

Постепенно одушевляясь и доходя почти до неистовства, батча до того наэлектризуетъ толпу, что всѣ начнутъ сами хлопать въ ладоши и пристукивать ногами. Сядетъ ли батча на мѣсто, всѣ станутъ слѣдить за каждымъ его жестомъ и движеніемъ, стараясь предупредить малѣйшее его желаніе.

Кромѣ сартовъ, прямыхъ уроженцевъ края, въ Самаркандѣ можно встрѣтить самую пеструю толпу различныхъ народцевъ, и стоитъ только пройти, въ базарный день, по главной улицѣ, тутъ виднѣется и стройная фигура персіянина съ великолѣпною черною бородою и прекрасными тонкими чертами лица, едва сдерживающаго статнаго аргамака; за нимъ, въ простомъ бумажномъ халатѣ и грубой красной чалмѣ, слѣдуетъ всадникъ съ широкими чертами лица. Это узбекъ, одинъ изъ тѣхъ, которые считаютъ себя господствующимъ племенемъ въ Средней Азіи. Онъ простъ и грубъ въ обращеніи и замѣчательнъ всѣми добродѣтелями завоевателяго племени. Онъ ненавидитъ таджика, или сарта и считаетъ за стыдъ заговорить съ нимъ. Среда пѣшихъ и конныхъ, медленною, но важною поступью шествуетъ караванъ верблюдовъ, а за ними идетъ короткою, но вѣрною поступью вереница ословъ, навьюченныхъ плодами, овощами, халатами и другими деревенскими продуктами ближайшихъ кишляковъ.

Въ уличной толпѣ встрѣчаются жители Афганистана, Кабула и Герата, привозящіе сюда парчу, кисею, канитель, сахарный песокъ, кашемирскія шали, бирюзу и драгоценныя камни. Въ окрестностяхъ города попадаютъ арабы и цыгане, но они составляютъ во всякомъ случаѣ меньшинство. Евреи, занимающіеся мелочною торговлею, живутъ въ особомъ кварталѣ и замѣчательны крайнею бѣдностью.

Внутренность мечети Гуремиръ.

Сартянская женщина.

Толпа эта неустанно кишитъ на улицахъ города, иногда заглушая нестройный гулъ дѣтскихъ головъ, прерываемыхъ иногда тупымъ звукомъ, который слышится часто какъ бы издали. Это не болѣе ни менѣе, какъ медресе, въ которомъ дѣти учатся вслухъ, просиживая за книжкою не менѣе десяти часовъ и стараясь понять невыразимую ерунду ста двадцати книгъ, составляющихъ всю суть образованія каждаго мусульманина.

Съ водвореніемъ русскихъ, жизнь Самарканда стала нѣсколько измѣняться въ частностяхъ. Торговля оживилась, но самая наружность осталась такою же, какою была и прежде. Городъ по прежнему тонетъ въ садахъ, поверхъ которыхъ высятся остатки древнихъ памятниковъ, переносящихъ невольно въ давно минувшее время. А надъ всеѣмъ этимъ сіяетъ вѣчно голубое небо и въ воздухѣ царитъ какое-то спокойствіе и очарованіе.

АФРИКА.

(Съ нѣмецкаго).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Какъ бы въ вознагражденіе за все природа дала готтентоту самыя прелестныя маленькія руки и ноги, какія только можетъ пожелать себѣ денди или модная красавица, и перчатки 9-лѣтняго европейскаго ребенка какъ разъ впору взрослому готтентоту.

Впрочемъ чистый типъ готтентота встрѣчается все рѣже и рѣже въ колоніи; благодаря постоянно происходящему тамъ смѣшенію расъ; въ жилахъ ихъ все чаще и чаще течетъ чужеземная кровь, или, какъ говорятъ голландцы, они всѣ бастарды. Не смотря на имя христіанина, въ душѣ они остались тѣмъ же, чѣмъ и были, хотя въ глазахъ миссіонера они являются въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, но здѣсь, какъ и всегда, когда рѣчь идетъ о дикомъ народѣ, взгляды духовенства идутъ постоянно въ разрѣзъ со взглядомъ свѣтскихъ людей. Одинъ миссіонеръ недавно писалъ, что готтентоты въ Капской колоніи скоро готовы будутъ принять цивилизацію и что, въ качествѣ земледѣльца, слуги и ремесленника, они приносятъ большую пользу бѣлому населенію; между тѣмъ ни одинъ колонистъ не согласится съ этимъ сужденіемъ, а скорѣе будетъ враждебно относиться о разсказахъ миссіонеровъ, обвиняя ихъ въ потворствѣ лѣни и въ томъ, что они кружатъ голову дикаря идеями о свободѣ, подъ которой онъ понимаетъ скорѣе самую тупую лѣнь, чѣмъ облагороженную свободу. Въ самомъ дѣлѣ, множество этихъ идіотовъ собирается въ резиденціяхъ миссій, гдѣ ихъ кормятъ за то, что они присутствуютъ при богослуженіи. Поступая на службу къ колонисту, готтентотъ остается только до тѣхъ поръ, пока его не откормятъ, затѣмъ безслѣдно исчезаетъ, даже не простившись съ хозяиномъ. Работу свою онъ исполняетъ только подъ строгимъ надзоромъ, при кроткомъ обхожденіи онъ скоро забывается и дѣлается нестерпимо заносчивымъ и грубымъ. Съ боль-

шой ненадежностью онъ соединяетъ еще страсть къ воровству. Понятно, что, послѣ всего этого, поселенецъ предпочитаетъ ему всѣ прочія извѣстныя племена. Весь заработокъ свой онъ тотчасъ тратитъ на водку, на табакъ или на тахо (дикий лень). О будущемъ онъ не заботится и все его имущество состоитъ почти только изъ жалкаго платья, овечьей шкуры и дубины. Знаменитый готтентотскій *ремень голода*, конечно, тутъ же; онъ служитъ кажется вѣрною характеристикой готтентота, изобрѣтателя такого пояса. Если, бродя на свободѣ и шатаясь съ мѣста на мѣсто, онъ не набредетъ на какую нибудь пиццу, то ремень приходится затягивать очень туго; за то въ счастливомъ случаѣ онъ пожираетъ такое количество, которое другому достало бы на цѣлую недѣлю.

Самое большое удовольствіе готтентота—лежать въ своей тростниковой хижинѣ и цѣлый день наигрывать 2—3 заунывные арии на самодѣльномъ инструментѣ—выдолбленной тыковѣ съ двумя натянутыми струнами. Иные впрочемъ играютъ на этомъ оригинальномъ инструментѣ довольно пріятно, да и вообще готтентоты не только не лишены музыкальныхъ способностей, но, если ему удастся достать какими нибудь путями скрипку, то онъ скоро дѣлается своего рода виртуозомъ и нерѣдко повторяетъ съ удивительною точностію мотивы, которые слышалъ у европейцевъ только разъ.

Отвращеніе къ усидчивому труду и страсть къ крѣпкимъ напиткамъ не составляетъ особенности готтентота, онъ раздѣляетъ ее со всеѣми другими уроженцами жаркихъ странъ. Самая главная побудительная причина, заставляющая его работать, и даже усиленно, это надежда получить водку; за бутылку простой водки онъ готовъ скакать всю ночь курьеромъ, готовъ отдать жену и дѣтей. Послѣ водки главное наслажденіе его

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн биринчи йил наشري

3
1967

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания одиннадцатый

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САМАРКАНДА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

В январе 1967 г. Президиум АН УзССР принял постановление о подготовке ученых республики к празднованию в 1969 г. 2500-летия г. Самарканда. В этой связи мы начинаем периодическую публикацию материалов, посвященных историческому прошлому и настоящему Самарканда.

Первая половина XVIII в. была одним из наиболее трудных периодов в многовековой истории Самарканда. Город сильно пострадал от феодальных усобиц, набегов кочевников и особенно нашествия иранского завоевателя Надир-шаха.

В 20-х годах XVIII в. Самарканд был настолько опустошен, что жители покинули его и лишь примерно с 1730 г. Самаркандская цитадель начала вновь заселяться. Территория же самого города не была заселена еще десять лет спустя, когда в пустовавших регистанских медресе кочевники ставили на зиму свой скот¹.

Проф. П. П. Иванов и некоторые другие исследователи пишут, что к 1735 г. в Самарканде вовсе не осталось жителей². С таким утверждением, однако, трудно согласиться, потому, что в цитадели Самарканда к этому времени жило несколько сот семейств.

Политическая история Средней Азии в 20—40-е годы XVIII в., как видно из местных хроник, характеризовалась острой борьбой между ханами, стремившимися к централизации государства, и эмирами, отстаивавшими феодальную раздробленность. Территория Узбекистана тогда была разделена между многочисленными самостоятельными и полусамостоятельными владениями. В этот период власть бухарских ханов «распространялась только на ближайшие районы — Вабкент, Гиждуван, Варданзи и Каракуль, причем и они были слабо подчинены своему хану... Обширные и богатые области Ферганы (Коканд, Наманган, Анджиан и Маргелан), так же как и Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе, все владения Южного Туркестана (Балх, Андхой, Шабурган и Меймене), Шахрисябз и даже Самарканд отделились от Бухарского ханства...»³

Усиление политической раздробленности было обусловлено происходившим в XVI—XVIII вв. ростом крупного землевладения

феодальной знати за счет государственных земель.

Основоположники марксизма на примере крушения феодальной Польши конца XVIII в. указывали, что растущая деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны приводят, в конечном счете, к расстройству экономики любого государства и ликвидации его независимости. «Страна, упорно сохранявшая в неприкосновенности феодальный общественный строй, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали свою буржуазию, развивали торговлю и промышленность и создавали большие города, — такая страна была обречена на упадок»⁴.

Политической раздробленностью Бухары воспользовался иранский завоеватель Надир-шах (1736—1747), который нанес ханству сокрушительный удар. Во время похода на Афганистан (1736—1737) иранские захватчики во главе с сыном Надир-шаха переправились через Амударью и двинулись на Карши, однако взять город им не удалось. Тогда Надир предписал Ризакули-мирзе направиться в Балх и сам выступил туда же с 40-тысячным отрядом. Оттуда Надир-шах двинулся в Бухару, выслал авангард для устройства моста через Амударью, по которому 18 августа 1740 г.⁵ Надир перешел со всеми войсками на бухарский берег⁶.

Основным опорным пунктом Надира в его захватнических походах был Мерв. Участник этих походов Мухаммад-Казим пишет: «Он (Надир. — М. А.) рассматривал Мерв как важную операционную базу для планируемых им походов в Среднюю Азию и даже в Китай»⁷.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 16, стр. 164.

⁵ В «Истории Узбекской ССР» (т. I, Ташкент, 1955, стр. 418) написано «в начале сентября 1740 г.»

⁶ С. Р. Кишмишев, Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти, Тифлис, 1889, стр. 212.

⁷ Мухаммад-Казим, Намен алла-маран Надири, т. 3, ркп. Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, л. 166а, 166б.

¹ М. Е. Массон, Самаркандский регистан, Труды САГУ, Археология Средней Азии, новая серия, вып. XI, кн. 3, Ташкент, 1950, стр. 86.

² П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии, М., 1958, стр. 94.

³ См. О. Д. Чехович, О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв., Вопросы истории, 1956, № 3, стр. 86.

Тем временем сын бухарского аталыка Мухаммад-Хакима, Мухаммад-Рахим, с согласия отца перебежал в лагерь Надир-шаха⁸.

Абулфайз-хан, напуганный продвижением иранских войск, спешно вызвал из Карши Мухаммад-Хаким аталыка и послал к Надир-шаху, чтобы умолился за него и не допустить разорения государства. Мухаммад-Хаким, прибыв в ставку шаха, выразил полную готовность служить Надиру. Снабженный шахской грамотой, дававшей ему большие полномочия, он выехал в Бухару уже не в качестве посла Абулфайза, а как представитель Надира.

Прибыв в Бухару, Мухаммад-Хаким передал Абулфайзу, что тот сам должен поехать за ответом к шаху. Тем временем войска Надира расположились в 20 верстах от Бухары, в урочище Чар-Бакр⁹.

Оказавшийся в безвыходном положении Абулфайз вынужден был вместе со своим двором 12 сентября 1740 г. прибыть в лагерь врага¹⁰.

Он передал Надиру вместе с ценными подарками и свою корону. Однако Надир возвратил корону Абулфайзу и признал его права на ханство, но обязал считать Амударью границей между Бухарским владением и Персией¹². Таким образом, Абулфайз уступил Надиру ряд районов с городом Чарджуем¹³.

Узы родства скрепили дом Аштарханидов с туркменом Надиром: на одной из дочерей Абулфайза женился сам шах, на другой — его племянник. Однако с администрацией и населением Бухары Надир сносился исключительно через своего ставленника — Мухаммад-Хакима мангыта.

Так, в силу сложившейся обстановки, Аштарханиды уступили первенствующую роль новым властителям — представителям узбекской племенной аристократии, главарям племени мангытов.

Утвердив свое влияние в Бухаре, Надир-шах примерно в октябре 1740 г. двинулся против хивинского хана Ильбарса (1728—1740).

Одновременно Надир, как сообщает Абу Тохир Ходжа, «послал отдельные отряды в разные стороны ханства замирать население. Много зла причинили эти отряды, часть которых оставалась до самой смерти

⁸ Мухаммад-Рахим мангыт находился в ставке Надира в Мешхеде до мая 1747 г. В «Истории Узбекской ССР» (т. I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 419—420) неправильно указана дата — 1745 г.

⁹ С. Р. Кишмишев, Походы Надир-шаха..., стр. 272.

¹⁰ См. О. Д. Чехович, К истории Узбекистана в XVIII веке, Труды Института востоковедения АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1954, стр. 73.

¹¹ См. Г. Вамбери, История Бухары, т. 2, СПб., 1873, стр. 110.

¹² См. С. Р. Кишмишев, указ. соч., стр. 212.

¹³ См. Г. Вамбери, указ. соч., стр. 110.

Надира, мирному населению. Все, что еще уцелело от киргиз (казахов. — М. А.), было захвачено персами»¹⁴.

В Самарканд был послан «Лутф-Алихан во главе отряда в 20 000 человек. Тому же отряду было поручено взять и привезти в Персию (в Мешхед. — М. А.) камень гробницы эмира Тимура гургана... вместе с двойными воротами из сплава семи металлов, находившихся в мечети Ханым...»¹⁵

По сообщениям Гладышева и Муравина, побывавших в Хиве в 1740—1741 гг., в это время существовало «независимое Самаркандское ханство» во главе с Абдул-Салом-ханом¹⁶. В других источниках мы не встречаем известий о существовании самостоятельного Самаркандского ханства в 1740 г. Самаркандский вилайет входил тогда в состав Бухарского ханства и его правителем был Абдус-Салом-хан. После подчинения Абулфайз-хана Надир-шаху правитель Самаркандского вилайета начал искать помощи у кокандского правителя Абдул-Керим-бий минга (ок. 1734—1750).

Автор исторической хроники «Тарихи Шохрухи» мулла Нияз Мухаммад утверждает, что кокандский правитель Абдурахим-бий (ок. 1722—1734) в начале 30-х годов захватил Самарканд и назначил своего ставленника¹⁷. Нам кажется, что автор «Тарихи Шохрухи» допустил ошибку. Его утверждения на этот счет ставились под сомнение еще Н. И. Веселовским, написавшим рецензию на «Тарихи Шохрухи»¹⁸.

Абдус-Салом-хан только перед взятием Самарканда Лутф-Али-ханом установил тесные политические связи с Кокандом, чтобы предотвратить захват Самаркандского вилайета иранцами. Однако в конце

¹⁴ Абу Тохир Ходжа, «Самария», описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Перевод В. Л. Вяткина. «Справочная книжка Самаркандской области», 1898, вып. VI, Самарканд, 1899, стр. 240.

¹⁵ В. В. Бартольд, Новые данные о Самаркандских памятниках, ЗВОРАО, т. XXV, вып. I, II, 1921, стр. 83—86. Однако далее (стр. 88) сообщается, что Надир-шах по каким-то причинам вернул оба памятника Самарканду. По сообщениям Ханыкова и Лемана, огромные бронзовые ворота, украшенные надписями и рисунками, были перелиты самаркандским правителем Амир Хайдаром (1796—1826) в медную монету.

¹⁶ См. «Поездка из Омска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравинным», изд. Я. В. Ханыковым, ЗРГО, СПб., 1851, стр. 539.

¹⁷ См. «Новые материалы для истории Кокандского ханства, «Тарихи Шохрухи», История владетелей Ферганы, Соч. Муллы Нияза Мухаммада бен Ашур-Мухаммада», изд. Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885, стр. 58—59.

¹⁸ См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1886, № 4, стр. 186.

сентября 1740 г. войска Надира овладели Самаркандом, а Абдус-Салом-хан и многие другие защитники города были зверски убиты.

С превращением Бухары в вассальное владение персидского шаха вся государственная власть фактически оказалась в руках его ставленника Мухаммад-Хакима. После смерти последнего (1743) узбекские эмиры подняли мятежи в разных частях государства. Восстание Ибадуллы-хитая (из хитай-кипчаков) охватило весь Мианкаль и докатилось до стен столицы. В конце апреля 1745 г. Ибадулла с 12-тысячным отрядом нагрянул на Бухару, захватил богатую добычу и увел множество людей в плен.

В сражении с Ибадуллой под Самаркандом бухарские войска потерпели поражение. «Был сформирован новый отряд из узбеков и туркмен, общей численностью в 20 тыс. человек, встреченный повстанцами около Хатырчи. После четырехдневного сражения начальники той и другой стороны решили помириться на том, чтобы оставить весь Мианкаль вместе с Самаркандом под властью Ибадулла-бия. Однако Абулфайз не утвердил этого договора и обратился за помощью к Надир-шаху... Ибадулла снова напал на окрестности Бухары, но вскоре ушел в Мианкаль»¹⁹.

В 1745 г. Надир направил в Бухару войско, составленное из серахских, мервских и тервизских частей под общим командованием Шах-кули-хана, бывшего беглербегом Мерва²⁰. Прибыв на место, Шах-Кули-хан сообщил шаху о положении в стране, и Надир выслал ему дополнительное войско. (В Бухару отправился и Мухаммад-Казим в должности нависанда — чиновника походной канцелярии). Командующим шахскими войсками «всей страны Туркестана» Надир назначил Бехбуд-хана, правителя Астрабада, который сразу же после своего приезда (весной 1746 г.) начал активные военные действия против мятежных вассалов бухарского хана²¹.

Когда иранские войска расправлялись с восставшими в районе Шахрисябза, к ним прибыли два курьера с приказом Надира, срочно вызывавшего Шах-Кули-хана в ставку для отчета. (Этот отчет составлял Мухаммад-Казим). В пути Шах-Кули-хан узнал о возмущении в разных местах страны, вызванном зверствами Надира, и пытался поднять восстание, но не был поддержан. После долгих скитаний он тайно прибыл в Мешхед, где был схвачен, ослеплен и отправлен к Надиру²².

¹⁹ См. П. П. Иванов, Восстание китая-кипчаков в Бухарском ханстве, 1821—1825, М., 1937, стр. 8—9.

²⁰ Мухаммад-Казим, указ. соч., т. 3, л. 180а.

²¹ Там же, л. 180б.

²² См. Мухаммад-Казим, Поход Надир-шаха в Индию. (Извлечение из «Тарихи Аламараи Надири»), Предисловие П. И. Петрова, М., 1961, стр. 18.

Тем временем Бехбуд-хан перешел из Шахрисябза в Самарканд (летом 1746 г.), откуда разослал 70 указов правителям и главам племен Туркестана, потребовав, чтобы они читали хутбу на имя Надира и чеканили монету с его именем, а также обязав их поставить для шахской армии 40 тыс. человек²³. (Из этих указов 30 были написаны Мухаммад-Казимом).

Когда Бехбуд-хан узнал от курьеров о мятеже Шах-Кули-хана, у него появилось недоверие к мервцам — сторонникам Шах-Кули. (В это время в его войске насчитывалось около 500 мервцев, не считая орудейной прислуги²⁴). Бехбуд приказал поместить их в середине лагеря в Самарканде под охраной верных ему людей.

В мае 1747 г. был получен приказ Надир-шаха перейти из Самарканда в Бухару. Здесь, как мы уже отмечали, вся власть находилась в руках Мухаммад-Рахим мангыта. 3 раджаба 1160 г. х. (12 июля 1747 г.) по распоряжению Бехбуд-хана Мухаммад-Казим явился к Мухаммад-Рахиму и вел с ним переговоры о снабжении шахских войск, оккупировавших ханство²⁵.

В середине июля 1747 г. Мухаммад-Рахим по подложному приказу Надира убил Абулфайза, а вскоре передал Бехбуд-хану полученное из Келата сообщение об убийстве Надира (19 июня 1747 г.) и приказ — оставить артиллерию в Бухаре и выступить в Келат.

6 августа 1747 г. иранские войска во главе с Бехбудом, захватив награбленное имущество, выступили из ханства²⁶, переправились через Амударью и вскоре достигли Мешхеда.

После ухода завоевателей, как сообщает Абу Тохир Ходжа, бухарские власти в 1161 (1748) г. х. начинают принимать меры к «наведению порядка» в Самарканде и его округе. В этом же году Рахим-бий аталык, готовясь к походу на непокорных жителей Пенджикентских и Ургутских гор, заранее послал в Самарканд специальных лиц для заготовки провианта. В Мианкале было собрано 7000 харваров²⁷ зерна, для хранения которого были использованы пустовавшие в то время самаркандские медресе. После усмирения горцев Рахим-хан приказал устроить плотину на арыке Даргом, и город с окрестностями вновь стал получать воду²⁸. С 50-х годов XVIII в. началось

²³ См. Мухаммад-Казим, указ. соч., т. 3, л. 188а.

²⁴ См. Мухаммад-Казим, Поход Надир-шаха в Индию, стр. 18.

²⁵ См. Мухаммад-Казим, указ. соч., т. 3, л. 195б, 196а.

²⁶ Там же, л. 200б.

²⁷ Харвар (букв. «ослиная ноша») — мера веса, равная 5—6 пудам.

²⁸ Абу Тохир Ходжа, Самария..., стр. 240.

восстановление оросительных систем Зарафшана, были расчищены старые и прорыты новые арыки около Пенджикента, в Ширазском тумане, Ургуте, а также проведены оросители от Карадарьи, ниже Самарканда²⁹.

Восстановление ирригационной системы легло тяжелым бременем на плечи местного населения, и без того жестоко пострадавшего от нашествия Надир-шаха.

Во время правления Мухаммад-Рахима (1753—1758), ставшего первым бухарским эмиром из династии Мангытов, были приня-

ты некоторые меры к возрождению Самарканда. Так, в городском районе Самарканда — Канигиль было размещено 6 тыс. семей каракалпаков³⁰. А позже, в 70-е годы, было основано 24 новых квартала (гузар), заселенных жителями, согнанными из других городов и районов. Были восстановлены крепостные и городские стены Самарканда. Город начал постепенно оправляться от тяжелых последствий, причиненных междоусобными войнами, набегами кочевников и нашествием Надир-шаха.

М. М. Абрамов

К ЭВОЛЮЦИИ ТЮРКСКОГО СИНТАКСИСА

В тюркских языках имеется ряд фактов, свидетельствующих об эволюции их синтаксического строя. Примерами могут служить случаи расширения простых предложений отглагольными оборотами и придаточными предложениями.

В развитии отглагольных оборотов тюркских языков можно отыскать немало общих черт. Глагольные обороты, образуемые причастиями с аффиксами *-ан||-ган* и *дыг*, а также деепричастиями на *-анда||-ганда*, *-дыгда*, *-дыгча*, пережили один и тот же процесс эволюции, который и сейчас продолжается в некоторых тюркских языках. В тюркологической литературе можно встретить отдельные высказывания относительно посессивного (притяжательного) характера причастных и деепричастных оборотов и употребления в их составе причастий и деепричастий с аффиксами принадлежности¹.

Эти обороты с момента их зарождения обладали посессивным строем, т. е. их субъекты употреблялись в форме родительного падежа и вместе с причастием или деепричастием с аффиксом принадлежности образовывали словосочетание (при-

чем между обеими частями могли быть и другие слова). Со временем первый компонент утрачивает аффикс родительного падежа, а второй — аффикс принадлежности. Этот процесс давно завершился в таких языках огузской группы, как азербайджанский, турецкий, гагаузский, но еще продолжается в туркменском языке. Поэтому, например, туркменское предложение *мениң диеңими этмирсин* в азербайджанском языке выглядит иначе: *мән дејәни этмирсән*. Как видно, в азербайджанском языке первый компонент не имеет показателя родительного падежа, а второй — аффикса принадлежности.

В туркменском языке наблюдаются следующие переходные случаи:

Мениң диеңим
Сениң эйән ишиң.
Мерет гелен гүни

Третий вариант встречается и в диалектах азербайджанского языка.

Ряд примеров свидетельствуют о переходном характере деепричастных оборотов в туркменском языке:

Мен геленимде биз геленимизде
Мен гелемде биз гелемизде
Мен геленде биз геленде
сен гелениңоде
сен гелеңде
*сен геленде*².

Из-за отсутствия древних письменных памятников на азербайджанском языке трудно проследить эту эволюцию. Однако сравнение известных другим тюркским языкам форм с формами азербайджанского языка позволяет установить следы посессивного строя.

Даркаһына қалдиқимдә, еј һур,
Сәрмајә иди көзүмдәки һур
(Фүзули, XVI в.)

²⁹ См. В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 116; Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, ЗРГО по отделению статистики, т. IV, СПб., 1875, стр. 234—245.

¹ С. Аманжолов, Природа сложноподчиненных предложений в казахском языке по сравнению с русским языком. Ученые записки Казахского государственного педагогического института им. Абая, т. I, Алма-Ата, 1940; Е. И. Убрятова, Исследование по синтаксису якутского языка, М.—Л., 1950; У. Б. Алиев, Вопросы сложного предложения карачаево-балкарского языка, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук, Нальчик, 1960; Н. И. Мирзаядзе, Азербайжан дилинин тарихи морфолокијасы, Баку, 1962; Ә. З. Абдуллајев, Фе'ли сифәт вә фе'ли бағлама тәркибләри посессив гурулуша малик олан сөз бирләшмәләридир, Азербайжан Дөвләт Университетинин „Елми әсәрләри“, 1962, № 3, и др.

³⁰ См. Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины (историко-этнографический очерк), Нукус, 1959, стр. 2; «Материалы по истории каракалпаков», Труды Института востоковедения АН СССР, т. 7, М.—Л., 1935, стр. 69—70.

² Хәзирки заман түркмен дили, Ашгабад, 1960, стр. 428.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Ўн тўртинчи йил наشري

7
1970

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания четырнадцатый

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ИЗ ИСТОРИИ САМАРКАНДА
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В связи с отмечаемым в этом году 2500-летием Самарканда значительно возросло внимание исследователей к изучению различных аспектов богатого исторического прошлого этого старейшего городского центра Средней Азии. Интересные материалы по истории Самарканда с древнейших времен до наших дней опубликованы в изданной недавно двухтомной истории Самарканда¹, а также в четырехтомной «Истории Узбекской ССР»².

Однако в этих обобщающих фундаментальных трудах, естественно, не нашли своего отражения отдельные моменты исторического прошлого Самарканда, в частности начала XIX в. Между тем этот период в истории города, предшествующий присоединению его к России, безусловно заслуживает внимания историков, ибо он характеризуется определенными сдвигами в хозяйственной, политической и культурной жизни Самарканда, постепенно оправлявшегося от известного упадка в XVIII в.

В свете сказанного представляет несомненный интерес обнаруженный нами в фондах ЦГА УзССР новый документ по истории Самарканда начала XIX в. — вакуфная грамота медресе Улугбека, учрежденная в месяце мухаррам 1225 г. х. (январь 1810 г.) Мухаммед Давлят-бий инаком³.

¹ История Самарканда, т. I—II, Ташкент. Изд-во «Фан» УзССР, 1969—1970.

² История Узбекской ССР, т. I—IV, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967—1968.

³ ЦГА УзССР, ф. И-18, оп. 1, д. 10484, л. 2. Давлят-бий правил Самаркандом с ноября 1802 г. по август 1810 г. (см. там же). Умер он, судя по данным источников (Мулло Ибадулло и Мулло Мухаммед Шариф. Тарих-и эмир Хайдар, ркл. ИВ АН УзССР, инв. № 1836, л. 83а), во время востежания китая-кипчаков, т. е. в 1821 г. О Давлят-бие иначе см.: В. В. Григорьев. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре.

Имеющийся в нашем распоряжении документ — это подлинная грамота, написанная на местной желтоватой бумаге черными чернилами, почерком насталик. Лист размером 29×117 см содержит 63 строки. Грамота имеет 13 оттисков печатей⁴.

Ниже приводится перевод этого документа, за исключением первых 13 строк (славословие Аллаху и пророку Мухаммеду).

«...Сарай — навес для зернового склада и дуканов в пользу медресе Улугбека в городе Самарканде. Границы его описывать нет надобности, они известны всем. Сарай, в котором продают табак, граничит (с) запада с дуканом Муллы Абдуллы, сына Муллы бабы и частично (граничит с) Чарсуем, (с) севера (с) дуканом Нурмухаммеда, сына Достмухаммеда, (с) востока с сараем из жженого кирпича, (а с) юга с общественной дорогой⁵.

Навес, в котором складывается крупа, (с) запада граничит с двором Мир Алима, сына Мир Мухаммед Амина, и частично с баней, которая разрушилась, (с) севера с площадкой медресе Санд Ахмед Ходжи, (с) востока с двором Муллы Бадала, сына Уста-Таша, (а с) юга с общественной дорогой.

Записки Мирзы-Шемси Бухари, Казань, 1864, стр. 13; С. Айни. Самарканд тарихи, Маориф ва ўқитувчи, 1928, № 10, фонд ИВ АН УзССР, № 10834, стр. 50; Ю. А. Соколов. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 г. Публикация отрывка из путешествия Мир Изатуллы в Среднюю Азию 1812—1813 гг., Труды САГУ им. В. И. Ленина, вып. X, Ташкент, 1957, стр. 195.

⁴ Документ был переведен на русский язык в 1893 г. О. Дмитриевым, но при этом были допущены неточности, в частности в переводе собственных имен, предметов завещания и т. д. Поэтому данный документ переведен нами заново.

⁵ Рохи омма.

19 мануфактурных дуканов в Тиме, (из них) 8 смежных (с) восточной стороны, которые граничат (с) запада с площадкой Тима, (с) севера с медресе Шер-Дар, (а с) востока с сараем Муллы Камбара, сына Муллы Ходжи Якуба; 3 дукана (с) южной стороны Тима граничат (с) Тимом, (с) запада граничат с дуканом Уста Ашур Мухаммеда, сына Уста Абдуллы, (с) востока — с вышеуказанным дуканом, (а) с севера с вышеупомянутым Тимом.

Другой дуکان граничит (с) северной стороны с Тимом, (с) запада граничит с дуканом Муллы Сайдуллы, сына Муллы Самихджана, (с) востока и (с) севера с вышеупомянутым медресе. 4 дукана в середине Тима граничат (с) запада с дуканом Надыр Мухаммеда, сына Мухаммеда Алим Суфия, и частично с дуканом Муллы Избасара, сына ...⁶, (с) севера и (с) юга с площадкой Тима. 25 дуканов, которые находятся на кишлачном базаре. 13 из них — смежные между собой и примыкают (с) запада и (с) севера к общественной дороге, (с) востока к двору Муллы Шарифа, сына ...⁷, (а с) юга к дукану Уста Авазбадала, сына ...⁸, остальные 12 дуканов, (также) смежные между собой, граничат (с) запада и севера с навесом, в котором сыпается ячмень, (а с) востока, севера и юга примыкают (к) общественной дороге. 2 дукана циркульника (и) они граничат (с) запада с общественной дорогой, (с) севера с дуканом Юсуфа, сына Абдуллабая, (а с) юга примыкают к дороге-тупику...⁹ 38 дуканов на базаре, (где продается ткань) алача, (они граничат (с) запада с мучным базаром, (а также) частично с дуканом базара (готовой одежды) джоза, который также завешан в ваф, (с) севера граничит с вышеупомянутым Чорсу, (с) востока граничит с двором Турсуна, сына Ашурмухаммеда, а (с) юга примыкает к улице-тупику. 22 дукана на базаре, (где продается ткань) алача, которые граничат (с) запада с дуканами кожевников, (с) севера с вышеупомянутой Чорсу, (с) востока с базаром (по продаже ткани) алача, (а с) юга с муч-

ным базаром. 17 мясных дуканов, которые граничат (с) запада, севера (и) востока с общественной дорогой, (а с) юга с сараем, построенным из жженого кирпича. Сарай, который находится на мучном базаре (и) частично граничит (с) запада с общественной дорогой (и) частично с дуканом Мирмухаммеда, сына Дустья, (с) севера с базаром (по продаже готовой одежды) джоза, (а с) востока и юга граничит с общественной дорогой — сарай, в котором продаются кишмиш, ячмень и лен. (Он) граничит (с) запада с отходным местом медресе Шер-Дар, частично с двором Дарवेशа, сына Баба Сахафа, (с) севера граничит с двором Аваза, сына Нияз Мухаммеда, частично с общественной дорогой, (а с) востока и юга (также) с общественной дорогой и частично (с) дуканом Уста Назара.

Вакуфозавещатель поставил условие, что мутаваалием завещанного имущества должен быть мутаваалий вышеупомянутого медресе. Доход с завещанного имущества прежде всего должен быть использован на ремонт зданий, остаток разделить на 20 частей. Одну часть получает мутаваалий, четыре части получают мударисы, каждый по одной части, одну часть имам, одну часть муазин и дворник, каждый по 1/2 части. Оставшиеся (части) должны разделить между учащими медресе».

Публикуемый документ представляет, как видим, большой интерес для исследователей. И не только потому, что он связан с известным медресе Улугбека в Самарканде. Вакуфная грамота Мухаммеда Давлят-бия иначе содержит ряд данных об исторической топографии Самарканды начала прошлого века, хозяйственной жизни города того времени, занятиях его жителей и, наконец, достаточно четко обрисовывает личность самого вакуфозавещателя как представителя высшей буржаской знати, крупного феодала и вместе с тем богатого торговца, завещавшего только в пользу медресе Улугбека 123 дукана.

Таким образом, наш документ в совокупности с другими источниками проливает дополнительный свет на историю Самарканды первой четверти XIX в.

А. Файзиев

⁶ Имя отца не указано.

⁷ Имя отца не указано.

⁸ Имя отца не указано.

⁹ Куча-и фйри-нофизо.